

Информация об авторе

Канн Сергей Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, e-mail: skann@yandex.ru.

Author

Sergey K. Kann — Ph.D. in History, Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 15 Voskhod St., Novosibirsk, 630200, e-mail: skann@yandex.ru.

УДК 94(47)+94(517)
ББК 63.3(2)612+63.3Мон

Л.В. КУРАС

«РЕВОЛЮЦИЯ В КОЛЧАКИИ» И ПРЕДПОСЫЛКИ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 ГОДА*

На основе общих закономерностей революционного процесса начала XX в. в статье рассматриваются особенности «революции в колчакии» и предпосылки монгольской революции 1921 г. как взаимосвязанные явления. В свою очередь это позволяет взглянуть на феномен революции с точки зрения транснациональной истории.

Ключевые слова: транснациональная история, «революция в колчакии», Сибирь, Внешняя Монголия, Китай, предпосылки монгольской революции.

L.V. KURAS

«REVOLUTION IN KOLCHAKIYA» AND BACKGROUND OF THE MONGOLIAN REVOLUTION IN 1921

Based on the general laws of revolutionary process in the beginning of XX c. the article considers the features of «revolution in Kolchakiya» and the background of the Mongolian revolution in 1921 as the interconnected phenomena. In turn, it allows looking at the revolution phenomenon from the point of view of transnational history

Keywords: transnational history, «revolution in kolchakiya» Siberia, Outer Mongolia, China, background of the Mongolian revolution.

Современное состояние исторической науки, в части изучения истории революционного подъема начала XX в., позволяет уйти от сложившегося еще в начале прошлого столетия европоцентризма и дать объективную оценку политической ситуации. Суть этой ситуации заключается в том, что в начале XX в. именно Восток определял будущее мироустройство [10; 11]. А череда революций — Синьхайская 1911 г., революция 1917 г. в России, Монгольская революция 1921 г. — позволяют

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.». Проект № 15-21-03006.

современной историографии взглянуть на события в Центральной Азии «не через призму национальных историй России, Монголии, Китая..., а с точки зрения глобальной или транснациональной истории» [8; 16]. Именно такая перспектива позволяет взглянуть на события в Сибири и Монголии в 1917–1920 гг. в русле транснациональной истории.

В феврале 1917 г. в результате Февральской революции и падения царизма в России, национальное движение монгольских народов получило новый импульс. Но Октябрьская революция 1917 г. в России поставила под вопрос будущее российско-монгольских отношений, в основе которых лежало «Трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии о Внешней Монголии» от 25 мая 1915 г.

25 ноября 1917 г. была осуществлена первая неудачная попытка установления дипломатических связей между Советской Россией и автономной Монголией. В этот день Совет Народных Комиссаров (СНК) отправил телеграмму в российское консульство в Урге с требованием безоговорочного признания Советской власти, которое осталось без ответа.

В начале 1918 г. Советское правительство опубликовало Обращение в адрес правительства и народа автономной Монголии, но российское консульство проигнорировало это Обращение [2]. Именно поэтому диалог Советской России с Богдо-гэгэном не состоялся. Это было обусловлено тем, что правительство автономии, в соответствии с Кяхтинским соглашением от 25 мая 1915 г., неукоснительно выполняло принятые обязательства перед Россией и Китаем и потому признавало законным Омское правительство Адмирала А.В. Колчака. Следует подчеркнуть, что российским консульствам в Синьцзяне и Урге, сформированным еще царским правительством, которые не приняли Советскую власть и также были связаны с правительством Колчака, Китай оказывал всемерную поддержку. И только 18 сентября 1920 г. китайское правительство приняло решение о прекращении деятельности консульств царского правительства.

В феврале 1919 г. во время проведения съезда панмонголистов на станции Даурия, Урга выступила против плана создания независимого, федеративного «Велико-Монгольского государства», в состав которого должны были войти Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят. И лишь внутренние распри в Даурском правительстве сорвали вооруженный поход панмонголистов против Богдо-гэгэна.

26 июня 1919 г. Советское правительство вновь выпустило Обращение, в котором признало независимость Монгольского государства. И вновь Обращение осталось без ответа.

В этот период Гражданская война вынудила молодое советское государство все внимание и все силы направить на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией. Поэтому на случайно 9 июля 1919 г. в «Известиях ЦК РКП(б)» было опубликовано «Письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии» за подписью В.И. Ленина «Все на борьбу с Де-

никиным», где Председатель Совнаркома сделал «Разъяснение народу правды о Колчаке и Деникине» [9, с. 46–57].

В свою очередь это привело к тому, что Внешняя Монголия осталась один на один с республиканским Китаем. Пришедшие к власти после Синьхайской революции республиканцы претендовали на территорию бывшей империи Цин. Это привело к фактической оккупации государства, которое было вынуждено отказаться от автономии в октябре 1919 г., а генерал Сюй Шучжэн, арестовав Богдэ-гэгэна, стал фактическим властелином Внешней Монголии.

Но обстоятельства сложились так, что в 1918–1920 гг. в Сибири решалась не только судьба России, но и судьба Монголии и Китая. Именно с учетом места и роли Сибири В.И. Ленин писал: «С одной стороны, громадная прифронтовая полоса в Приуралье и на Урале стала нашей прифронтовой полосой в силу побед Красной Армии и разложения Колчака, роста революции в колчаки» [Там же, с. 54]. И далее: «Единственный шанс на полную победу — поголовное участие приуральского и уральского населения, испытавшего ужасы колчаковской «демократии», продолжение наступления на Сибирь до полной победы революции в Сибири» [Там же]. В монографии А.А. Штырбула предложена оригинальная авторская концепция «революции в Колчакии», развернувшаяся в конце 1919 г. и завершившаяся в феврале 1920 г., которая состояла из трех «революций»: «социалистической или точнее, советской, боровшейся за восстановление советской власти; демократической (или буржуазно-демократической), боровшейся за восстановление демократической республики, типа керенщины 1917 г. и, отчасти, доколчаковской, типа «Сибирской республики» лета-осени 1917–1918 гг. с перспективой Учредительного собрания; наконец, анархистской или, точнее, анархической, стремившейся свести любую власть, особенно в деревне, к минимуму или вообще ликвидировать ее. Силы, осуществлявшие эти три «революции», были достаточно разными, но общего у них оказалось в период антиколчаковской борьбы значительно больше, чем различно: режим А.В. Колчака и совместная борьба с ним достаточно тесно их сплотили, и все три к концу 1919 г. слились в одну. Противоречия, существовавшие внутри антиколчаковского лагеря, конечно, никуда не исчезли, но отошли на второй план...» [19, с. 282]. В декабре 1919 г. А.В. Колчак, потерпев поражение от Красной Армии, назначил атамана Семенова главнокомандующим всеми белогвардейскими войсками Восточной Сибири и Дальнего Востока. Новый главком терпел поражение за поражением от красноармейцев и партизан Забайкалья. 2 марта 1920 г. части Красной Армии, при поддержке партизан, взяли Верхнеудинск и атаман Семенов со своим штабом перебрался в Читу.

15 августа барон Унгерн покидает место постоянной дислокации — Даурию и направляется в Акшу, а затем поворачивает в сторону Троиц-

косавска и Верхнеудинска. Но подойдя в начале октября к Яблоновому хребту, барон Унгерн получает сведения о наступлении частей НРА ДВР на Читу и принимает решение идти на Монголию [4, с. 38]. Для барона Унгерна, который в течение 1917–1919 гг. находился в тени атамана Семенова, настал звездный час.

Вообще идея изгнания китайских войск зрела в различных слоях монгольского общества. Но осознавая, что своими силами они не добьются осуществления поставленной цели, монголы возлагали надежды на помощь извне. При этом князья и ламы обращались с письмами и петициями к американскому и японскому правительствам, на которые не получили ответа. 19 марта 1920 г. князья и ламы направили письмо Уполномоченному Российского правительства, на котором стояла печать Богдо-гэгэна. Причем, они были согласны на восстановление автономного управления Халхи и Кобдоского округа.

К началу февраля 1921 г. основные силы барона Унгерна составлявшие три тысячи бойцов (треть из них составляли монголы), подошли к Урге. Огромное значение для победы барона имел психологический фактор — похищение Богдо-гэгэна, появление которого в лагере Унгерна было встречено всеобщим ликованием. 4 февраля, после ожесточенных боев, Азиатская дивизия освободила Ургу, а VIII Богдэ-гэгэну Ждебцзундамба-хутухте был возвращен ханский трон [17; 18]. В результате последующих сражений в течение марта 1921 г. 15-тысячная китайская армия, еще недавно наводившая ужас на монголов, перестала существовать. На короткий период барон Унгерн превращается в национального героя Монголии. Победа окрылила его и породила планы свержения советской власти в России. Кроме того, он, с помощью Богдо-гэгэна, стремится реализовать свой проект создания Срединного государства, объединив Внешнюю Монголию, Тибет и Уйгурский автономный район в могущественную федерацию [3, с. 116]. Но модель государства была аморфна, четкие территориальные границы отсутствовали, а реализация проекта, фактически, вела к восстановлению империи Цин, что было абсолютно неприемлемо для монголов [7, с. 170]. В этой связи С.Г. Лузянин подчеркивает, что «Унгерн, устранив Китай из Монголии, превратил ее в потенциальную «зону» для российской гражданской войны. Советское руководство теперь могло ориентировать свою монгольскую политику не только на цели освобождения монгольского народа от китайского и унгерновского режимов, но и уничтожения классового врага на Востоке» [13, с. 94]. Кроме того, пребывание барона Унгерна во Внешней Монголии было отмечено широкомасштабными репрессиями, грабежами и расстрелами. Б начинает понимать, что становится «в тягость населению Монголии». Да и политические настроения монголов начинают меняться. Тем самым, в 1921 г. возникает уникальная ситуация, когда «революцию в колчакки» можно было перенести на территорию сопредельного государства. «В тех условиях, в которых

находилась Советская власть в России в начале 20-х гг., — подчеркивает Е.А. Белов, — ее вожди, не будь в пределах Монголии «даурского крестоносца» с его дивизией, уже разбившие крупные силы Пекина, едва ли решились на ввод в эту страну своей армии». Более того, Е.А. Белов справедливо считает, что Халха, более, чем на 70 лет оторвалась от Китая и оказалась в сфере геополитического домината России [4]. В этом плане несомненный интерес представляют наблюдения очевидца событий, известного сибирского журналиста и общественного деятеля Д.П. Першина, который в своих воспоминаниях дает подробную характеристику намерениям большевиков в отношении Монголии. Автор отмечает, что большевики имели серьезные планы по раздуванию революционного пожара в Китае, в связи, с чем Внешняя Монголия была крайне нужна им как плацдарм, с которого они могли бы направить свои усилия и в Северный Китай, и в Маньчжурию, и в Синьцзян. «И эту трудную задачу для большевиков, — по мнению Д.П. Першина, — удачно разрешил барон Унгерн» [14, с. 130]. Именно благодаря этому начинают складываться политические предпосылки Монгольской революции 1921 г., получившие широкое освещение в современной российской историографии [1; 5; 6; 8; 12; 15].

А вторжение Азиатской дивизии на советскую территорию в мае 1921 г. вывела предпосылки Монгольской революции в реальную плоскость. Именно тогда Советская Россия получила веский повод для ввода своих войск на территорию Монголии, что было необходимо как с точки зрения военной, так и политической: с военной потому, что необходимо было разгромить барона Унгерна, который представлял серьезную опасность для Советского государства; с политической потому, что необходимо было оказать реальную помощь монгольским революционерам в деле овладения ситуацией в стране [15, с. 21].

Таким образом, «революция в колчакии» и предпосылки монгольской революции 1921 г. — это взаимосвязанные явления, выходящие за рамки локального процесса, что позволяет в свою очередь взглянуть на феномен революции с точки зрения транснациональной истории.

Список использованной литературы и источников

1. Базаров Б. В. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. — 377 с.
2. Бармин В. А. Из истории сотрудничества российских консулов в Синьцзяне с Омским правительством А.В. Колчака в 1918–1919 гг. / В. А. Бармин // Гражданская война в Сибири : материалы Всеросс. заоч. науч.-практ. конф. — Омск : Исторический архив Омской области, 2013. — С. 5–8.
3. Барон Унгерн в документах и материалах / сост. С. Л. Кузьмин. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2004. — 661 с.
4. Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. / Е. А. Белов. — М. : Аграф, 2003. — 240 с.

5. Железняков А. С. Монгольский полюс политического устройства мира / А. С. Железняков. — М. : Ин-т социологии РАН, 2009. — 272 с.
6. История Монголии. XX век. — М. : ИВ РАН, 2007. — 447 с.
7. Курас Л. В. Атаман Г.М. Семенов и барон Р.Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г. / Л. В. Курас // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 8. — С. 167–172.
8. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 252 с.
9. Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным (письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 46–63.
10. Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 167–168.
11. Ленин В. И. Пробуждение Азии / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 145–146.
12. Лузянин С. Г. Монголия между Китаем и Советской Россией (1920–1920) / С. Г. Лузянин // Проблемы Дальнего Востока. — 1995. — № 2. — С. 71–83.
13. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. — М. : ИДВ РАН, 2000. — 320 с.
14. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булаг. Воспоминания очевидца. Текст, вступ. очерк, послеслов. и коммент. И. И. Ломакиной / Д. П. Першин. — Самара : Агни, 1999. — 280 с.
15. Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / С. К. Рощин. — М. : ИВ РАН, 1999. — 327 с.
16. Саблин И. В. «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии / И. В. Саблин // Первая мировая война в «восточном измерении» : сб. ст. — М. : ИВ РАН, 2014. — С. 135–155.
17. Цветков В. Ж. Р.Ф. Унгерн и попытка организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник. — 2015. — № 3 (45). — С. 145–171.
18. Цветков В. Ж. Р.Ф. Унгерн и попытка организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник. — 2015. — № 4 (46). — С. 102–128.
19. Штырбул А. А. Покушение на Колчака. Историческое расследование / А. А. Штырбул. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. — 392 с.

Информация об авторе

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Author

Leonid V. Kuras — Doctor of History, Professor, Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Science, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: kuraslv@yandex.ru.